

The background of the cover is a misty, hazy landscape at dawn or dusk, with a soft glow on the horizon. On the left, a dark silhouette of a person stands, leaning forward and scattering small seeds or particles onto the ground. To the right, a green plant with several leaves grows upwards. From the top of the frame, dark, thick liquid drips down, resembling blood or paint, creating a stark contrast with the lighter background.

ЛИБО ТЫ СОЗДАЕШЬ, ЛИБО ТЫ — ШУМ

Светлана Овчинникова

Светлана Овчинникова

Либо ты создаешь, либо ты — шум

«Автор»

2026

Овчинникова С.

Либо ты создаешь, либо ты — шум / С. Овчинникова —
«Автор», 2026

Вера просыпается каждое утро с одной и той же мыслью: «Когда это закончится?». Ей 38, у неё трое детей, муж с непростым характером и кредит. Но однажды в её жизни появляется случайный онлайн-курс и первая маленькая победа — реальные рубли, заработанные на зелени. Это не просто книга о деньгах. Это история о том, как одна женщина рискнула признаться самой себе: «Я хочу жить иначе!». И начала делать первый шаг — несмотря ни на что. Вы готовы узнать, чем это закончится? Спойлер: ничем, кроме нового начала. Ведь либо вы создаёте свою судьбу, либо вас просто не слышно.

© Овчинникова С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Новое очередное утро	6
Глава 2. Тихая пустота	9
Глава 3. Перешагнула черту	12
Глава 4. Первый урок	14
Глава 5. Первый «прорыв»	16
Глава 6. Огородная арифметика	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Либо ты создаешь, либо ты — шум

Пролог

Будильник прозвонит через две минуты.

Я знаю это, потому что слышу, как секундная стрелка на старых настенных часах делает последний круг. Миша сопит под боком, Саша храпит, где-то надрывно кашляет Илья. За окном — серая стена осени. В кошельке — три тысячи до зарплаты, а впереди — бесконечный день, который будет точной копией вчерашнего.

И в этот момент, в эти две минуты тишины, у меня есть выбор.

Либо я снова отключу будильник и начну обслуживать рутину — чужую жизнь, чужие долги, чужие ожидания.

Либо я перестану быть шумом на фоне чужой жизни и начну создавать свою.

Я ещё не знаю, что выберу. Знаю только, что больше не могу дышать этим спёртым воздухом безысходности.

Будильник орёт.

Рука потянулась к телефону.

...Через минуту я либо утону снова, либо поплыву.

Глава 1. Новое очередное утро

Будильник зазвонил ровно в 6:30 — резко, требовательно, с тем специфическим звуком, который вырывает из остатков сна, как из тёплой воды.

Я уже не спала час.

Ровно в 5:32 проснулась сама. Без причины. Просто открыла глаза — и всё. Тело требовало вставать, хотя мозг отчаянно сопротивлялся. Я лежала на спине, смотрела в потолок и считала трещины. Там, где прошлой весной протекла крыша, осталось жёлтое пятно, похожее на карту нашей небольшой области. Или на Австралию. Если сильно прищуриться, всё на что угодно похоже.

Рядом сопел Миша. Он забрался к нам ночью — плакал, говорил, что ему страшно, хотя на самом деле просто хотел быть ближе. Он лежал поперёк кровати, уткнувшись ногами мне в бок, и мелко вздрагивал во сне. Снилось ему что-то — то ли хорошее, то ли страшное. Я убрала прядь волос с его лба. Кожа была горячей. Надеюсь, это просто от сна, а не температура.

С другой стороны кровати — Саша. Муж. Он лежал на спине, раскинув руки, и похрапывал с лёгким свистом. Я знала все его позы, все звуки. Когда он просто устал — храп был один. Когда немного выпил — другой. В этот раз был «немного». Значит, вчера заезжал к мужикам, но дозу держал. Дома вроде трезвый, но глаза — красные, и от него пахло не просто пивом, а чем-то тяжёлым. Наверное, самогон дяди Васи.

Я повернула голову к окну. За занавеской уже серело. Скоро петух — этот чёртов петух соседки тёти Зины — заорёт, и начнётся. А пока — тишина. Самая редкая минута дня.

Из всех сил попыталась вспомнить, когда в последний раз спала до будильника. До рождения Даши — это точно. С Дашей я хотя бы иногда спала, потому что она родилась крупная и спокойная. С Ильёй — уже хуже: колики, зубы, бессонные ночи. С Мишей — полный коллапс. Младший родился нервным, с нарушениями тонуса, и первые полгода я спала урывками по два часа. Сейчас ему три с половиной, но он всё равно просыпается, всё равно приходит, всё равно требует.

Меня зовут Вера Николаевна Субботина, и мне 38. Хотя выгляжу на все 45, а чувствую — на 60.

Будильник повторно запищал. Я протянула руку, нащупала телефон, отключила звук. Экран загорелся, и быстрым взглядом увидела уведомление — реклама онлайн-курса: «Как изменить свою жизнь за 30 дней». Рывком пальца смахнула вправо. В шкафу лежат три комплекта белья, один из которых надо срочно штопать. Какая к чёрту новая жизнь.

Я приподнялась на локте. Саша не шелохнулся. Даже не изменил ритм дыхания. Миша перевернулся на другой бок и затих.

— Миш, — шепнула я. — Просыпайся, маленький.

Он всхлипнул во сне, но не проснулся.

Я села, спустила ноги на пол. Коснулась ледяного линолеума — и вздрогнула от холода. Осень в этом году пришла рано. За окном ещё темно, а на подоконнике уже лежит иней. Надо утеплять окна. Чем? Старыми одеялами? Скотчем?

Я накинула халат — старый, махровый, когда-то светло-розовый, а теперь серый от стирок — и вышла в коридор.

Дом встречал меня темнотой и тишиной. Я прошла на кухню, щёлкнула выключателем. Свет замигал, потом загорелся. Холодильник загудел громче, чем надо. Открыла дверцу. Пусто. Пара яиц, засохший сыр, банка маринованных огурцов, открытый кетчуп и остатки молока. И позавчерашний суп — вермишелевый, с курицей. Он ещё не прокис, но есть его уже не хочется.

Аккуратно закрыла холодильник и прислонилась к нему лбом. Просто стояла так — холод металла, тёплая кожа голой ноги на линолеуме, и в голове — ни одной мысли. Но где-то глубоко внутри, под рёбрами, зарождалось чувство, что так больше нельзя. Что этот день — лишь очередная копия сотен предыдущих. Что завтра будет то же самое.

С усилием выпрямилась, включила чайник. Достала кружку — старенькую, облупленную, с отбитой ручкой. Сейчас бы кофе, но он закончился три дня назад.

Налила кипяток, кинула пакетик дешёвого чая. Смотрела, как вода окрашивается в жёлтый, потом в коричневый. Чай заваривался, а я — нет.

Из комнаты донёсся детский кашель. Илья! Сухой, надрывный. Опять! На той неделе мы пролечили его от бронхита, а теперь снова. Надо вести к врачу. А чем платить? Осталось три тысячи до зарплаты. А ещё кредитка — пятьдесят тысяч долгов.

Быстро зажмурилась, сделала глоток чая и выдохнула. Ладно. Потом.

Далее налила холодную воду в кастрюлю и поставила на плиту. Сварю макароны, ведь дети их любят. Есть масло и сыр — вот этот засохший натереть сверху. Сойдёт, не отравятся же!

Я вышла в коридор и открыла дверь в детскую. Илья сидел на краю дивана, растрёпанный, с красными глазами, и кашлял, прижимая к груди старого плюшевого зайца.

— Мам, — прохрипел он. — Пить хочу.

— Сейчас принесу.

Немедленно налила стакан кипячёной воды, подала ему. Он жадно выпил, закашлялся снова, я погладила его по спине.

— В садик не пойдёшь, — сказала я. — Посидишь дома.

— Ура, — сказал он без энтузиазма. Он не любил садик. А я не любила оставлять его с Сашей дома. Саша злился, когда дети шумели. И когда болели — тоже.

Из-за стенки донёсся Дашин голос: «Ма-ам! Миша орёт!» И через секунду — Мишин плачущий рёв.

Я закрыла глаза. Медленно сосчитала до пяти.

День начался. Очередной.

Следующее утро будет шестым. А потом — седьмым. А потом — бесконечным. Если ничего не изменить.

Но пока я шла к детям, потому что больше никто не придёт.

Вытерла руки о фартук, натянуто улыбнулась и шагнула в их крик.

Дети сидели на полу в зале. Даша — с телефоном, Илья — с зайцем, Миша — голый, потому что он решил раздеться. Снова.

— Почему он не одет? — спросила я у Даши.

— А я мама, что ли? — огрызнулась она, не отрываясь от экрана.

— Даша.

— Ну что «Даша»? Я его не раздевала. Он сам.

Я подхватила Мишу на руки.

— Ай-яй, — сказала я. — Пойдём, переоденемся, ходим на горшок.

— Не хочу! — заорал он, извиваясь у меня в руках.

— Хочешь.

— Не хочу!

— Миша.

— Не хочу, не хочу, не хочу!

— Хватит! — рывкнул из спальни Саша. — Сделайте уже потише, я сплю!

Я замерла на мгновение. Потом взяла Мишу за руку и повела в туалет. Он вырывался, пищал, но сел на горшок. Сделал свои дела. Отпустило.

Мы вернулись в комнату. Я одела его, с трудом уговорила надеть штаны и кофту. Потом посадила за стол, налила молока (остатки, на доньшке). Он выпил, попросил ещё.

— Молока нет, — ответила я. — Будет завтра.

— Я хочу молока!

— Завтра, Миша. Ешь макароны.

Он насупился, но взял вилку и начал наматывать макароны, разбрызгивая капли масла.

Вдруг осознала, что у Саши тоже нет завтрака. Пусть сам, подумала я, но тут же почувствовала стыд. Он же мой муж, пусть и не идеальный.

Сварила ему яйцо. Положила на стол. Хлеба не было.

— Саш, — крикнула я. — Завтрак на столе.

— Ага, — ответил он сонно. — Сейчас встану.

Он встал через полчаса, когда я уже собирала Дашу в школу, а Илья сидел в углу с книжкой. Саша прошёл на кухню, сел, разбил яйцо, начал есть. Я наблюдала краем глаза: он даже не спросил, как дети. Как я. Ничего не спросил.

— Ты сегодня на работе? — спросила я, хотя знала ответ.

— Ну да. Дяде Васе помочь, потом в автосервис заскочу. Вечером приду.

— Ага.

Я снова отвернулась. Снова уставилась в пустоту.

Будильник на телефоне снова зазвонил. Я выключила. Потом заметила, что за окном уже светло. Запели птицы. Вдалеке залаяла собака. Жизнь шла. Чья-то, не моя.

Я посмотрела на свои руки — сухие, в трещинах, с обгрызенными ногтями. Раньше я красила ногти. Давно.

— Мам, я готова, — сказала Даша, стоя в дверях с рюкзаком. На ней была слишком короткая юбка.

— Даша, переоденься.

— Почему? Нормальная юбка.

— Потому что холодно и в школу нельзя в таком виде.

— Все так ходят!

— Даша.

Она закатила глаза, но пошла переодеваться. Я выдохнула.

Саша допил чай, встал, взял ключи.

— Я пошёл.

— Ага.

— Позвони, если что.

— Ага.

Он вышел. Дверь хлопнула. Я осталась одна — с детьми, с горой посуды, с тройкой невыученных уроков, с кредиткой, с рутиной, с чувством, что я задыхаюсь.

Вытерла со стола, достала пылесос, начала уборку. Миша побежал за котом, а Илья снова закашлял. На какое-то мгновение замерла и увидела, как солнце медленно наполняет комнату, в тот момент думала: «Когда будильник звонит, а ты уже не спишь час — это и есть твоя жизнь. Или её тупик? Пока не знаю...».

Но я знала одно: так дальше нельзя.

Глава 2. Тихая пустота

— Мам, а мы сегодня гулять пойдём?

Я хотела сказать: «Нет, Илья, мне надо работать в огороде, и у тебя кашель, и вообще я устала». Но я сказала:

— Если поправишься — выйдем на час.

Он кивнул и снова уткнулся в книжку.

Через час Миша заснул на диване — прямо в одежде, с открытым ртом. Илья сидел рядом и рисовал в старой тетради. Я решила, что час-полтора тишины у меня есть. Надо выйти на улицу.

Огород ждал.

Я надела резиновые сапоги, старую куртку, взяла ведро и лопату. Осень в этом году наступила внезапно: утром трава покрылась плотным инеем, а земля стала твёрдой, как камень. Картошку ещё не выкопали. Морковь — тоже. Всё гнило прямо в земле.

Подошла к грядке и воткнула лопату, она вошла с большим трудом. Я нажала ногой, перевернула ком земли. Из него торчали жёлтые корни — картофелины, мелкие, как перепелиные яйца. Опять неурожай.

Ничего не поделав, выдохнула и начала копать. Раз за разом — лопата, земля, корни, боль в спине, хруст в коленях. Через десять минут я уже вспотела, хотя на улице было не больше десяти градусов. Сняла куртку, бросила её на забор и продолжила.

Где-то на четвёртой грядке я остановилась и посмотрела на небо. Оно было серое, низкое, как бетонная плита. Птицы не пели. Только петух тёти Зины орал как оглашенный. Соседка вышла на крыльцо, зевнула, посмотрела на меня, как на пустое место, и ушла обратно.

«Как ты живёшь, Вера? — подумала я. — Картошка мелкая, куры худые, муж пьёт, дети болеют. И ты стоишь здесь, в грязи, с лопатой в руках. Ради чего?»

Вопрос повис в воздухе.

Копала дальше, потому что ответа на него у меня не было.

В этот миг где-то глубоко внутри, под слоем усталости и грязи, шевельнулось воспоминание. Я вспомнила себя до замужества — ту Веру, которая ещё не знала, что такое копать мёрзлую землю и считать копейки до зарплаты. Она была лёгкой — смеялась громко и часто, носила яркие платья, красила губы помадой цвета спелой вишни. Она мечтала о море — прочитала где-то про бирюзовую воду и белый песок, и с тех пор каждую ночь представляла, как идёт по берегу босиком, а волны лижут пятки.

А потом появился Саша — красивый, уверенный, позвал замуж, и она, окрылённая, шагнула в это «навсегда», даже не оглянувшись на свои мечты. Они просто остались на том берегу, как старая открытка в коробке. Сейчас, стоя в грязи с лопатой, я чувствовала, что той Веры больше нет — её проглотили грядки, долги и вечная усталость. И от этого внутри было пусто и холодно, будто потеряла кого-то очень важного, даже не попрощавшись...

Вернулась в дом через час с ведром картошки — мелкой, мокрой, с комьями земли. Илья уже сидел на полу и рисовал, а Миша все еще спал, раскинув руки и ноги. Я поставила ведро в угол, налила себе воды и села на табуретку.

Вдох-выдох. Руки дрожали.

Я взяла телефон. Открыла приложение банка. Остаток на карте — 2 340 рублей. До зарплаты — десять дней. А ещё кредитка — 54 300 рублей долга. Минимальный платёж — 4 500. И его надо вносить через неделю.

У меня не было 4 500 рублей.

С нарастающим гневом закрыла приложение, но потом открыла снова. Как будто от этого цифры могли измениться.

Попробовала посчитать в уме: 2 340 минус макароны, минус молоко, минус хлеб, минус лекарства для Ильи, минус проезд, если надо будет ехать в город. Ох, с трудом дотяну до конца недели. А дальше — пустота.

Сидела, смотрела на экран и чувствовала, как внутри закипает отчаяние. Не то отчаяние, когда хочется плакать, — от этого я уже устала. А другое — глухое, тяжёлое, которое сжимает горло и не даёт дышать. Закрыла глаза и попыталась вспомнить, когда в последний раз у меня были свои деньги. Не на хозяйство, не на детей, не на кредитку. Свои! На то, что хочется лично мне, и не вспомнила...

Вечер подкрался незаметно. Я сварила суп, покормила детей, уложила Мишу, сделала с Ильёй уроки (русский язык — сплошные слёзы: он путал «жи-ши» и писал через «ы»). Саша пришёл в восемь — трезвый, но уставший. Сел за стол, поел, спросил, что по телевизору.

— Ничего, — сказала я.

— Включи что-нибудь.

— Я устала.

— Я тоже устал, — огрызнулся он.

Молчание.

Он взял пульт, включил какой-то сериал про погони и разборки. Я сидела рядом, но не смотрела. В голове крутились цифры: 2 340, 4 500, 54 300. Они плясали перед глазами, складывались в чудовищные суммы, разрастались, как опухоль.

— Ты чего такая кислая? — спросил Саша, не отрываясь от экрана.

— Голова болит.

— Выпей таблетку.

— Выпила.

Он кивнул и снова уставился в телевизор. Разговор был закончен.

Медленно встала, пошла на кухню, налила себе чай. Села за стол, обхватила кружку ладонями. Чай остывал, а я смотрела в одну точку на стене — туда, где обои отошли от стены и висел клочок бумаги, заклеенный скотчем.

«Сколько можно тянуть, если нечем платить?» — подумала я.

И в этот момент телефон пикинул. Я посмотрела на экран — уведомление.

«Вам может быть интересно...».

На картинке — женщина с добрыми глазами. Она держала в руках кошелек и улыбалась. Подпись: «500 рублей — и ты начнёшь новую жизнь».

В голос усмехнулась. 500 рублей — это половина дневной нормы молока и хлеба на неделю. Первое желание тотчас же смахнуть уведомление, как делала уже четыре утра подряд, но палец замер.

Внимательно смотрела на эту женщину. Чистые волосы, ухоженные руки, спокойный взгляд. Она не выглядела богатой, а выглядела... счастливой. Не той счастливой, что с обложки журнала, а той — тихой, глубокой, когда человек знает, что у него всё в порядке.

«А вдруг?» — шепнуло что-то внутри.

И я все-таки кликнула на ссылку.

Экран мигнул, и открылась страница. «Курс «Я смогу. Женская финансовая грамотность и не только». Всего 500 рублей. Доступ навсегда. Первый урок — бесплатно!».

Читала описание: «Для тех, кто устал считать копейки. Для тех, кто хочет выдохнуть. Для тех, кто потерял себя в быту и долгах». Все эти слова отзывались где-то в груди. Это было про меня. Словно кто-то заглянул в мою голову и записал всё, что я чувствую.

500 рублей.

Вновь посмотрела на остаток на карте. 2 340. Если оплату курс — останется 1 840. Это на три дня. А дальше? А если курс не сработает?

— Вера! — крикнул Саша из комнаты. — Ты там уснула, что ли? Чаю мне налей!

— Сейчас.

Впопыхах отложила телефон. Налила ему чай, отнесла, и снова села на кухне. Телефон лежал на столе экраном вверх, и женщина с улыбкой смотрела на меня, а я на неё.

В голове крутилось: «500 рублей — это доширак на две недели. 500 рублей — это половина лекарства для Ильи. 500 рублей — это...». Взяла в руки телефон, и палец завис над кнопкой «Купить».

И тут из комнаты донеслось:

— Ма-ам! — Миша проснулся и плакал.

Я вздрогнула, выключила экран, сунула телефон в карман халата.

— Иду, — сказала я.

Пошла к Мише, взяла его на руки, прижала к себе. Он был тёплый, сонный, пах потом и детским шампунем. Я качала его и смотрела в окно, за стеклом было темно, и только фонарь на столбе горел тусклым жёлтым светом.

«Я оплачу его завтра, — подумала я. — Или послезавтра. Когда будет чуть легче».

Но в душе прекрасно знала: легче не будет. Легче никогда не становится, если ничего не менять. Просто закрыла глаза и продолжила качать Мишу. Телефон в кармане молчал, но баннер всё ещё ждал.

Глава 3. Перешагнула черту

Вечер, который казался тихим, начал стремительно портиться где-то около девяти.

Я успела уложить Мишу и вернуться на кухню, чтобы домыть чашки. В доме стоял тот особенный гул, который бывает, когда дети утомонились, но воздух ещё наэлектризован их шумом. Илья сопел в своей комнате, Даша заперлась в своей — наверняка уткнулась в телефон, который я не могла ей купить, но который она умудрилась выпросить у отца в рассрочку.

Через несколько секунд услышала, как во дворе скрипнула калитка. Саша пришёл позже обычного. Я замерла у раковины. В такие моменты внутри меня всегда включался какой-то древний, почти животный механизм: слушала звук его шагов, определяя состояние. Тяжелые, волочащиеся — плохо. Быстрые, спотыкающиеся — очень плохо.

Скрипнула дверь веранды, потом долгое шуршание в коридоре — он всегда долго разувается, когда пьян, боясь упасть.

Сердце колотилось в горле. Я тихо прошептала: «Только не сегодня. Пожалуйста, только не сегодня. Пусть он просто ляжет спать». Это была моя молитва. Самая частая и самая бестолковая.

Дверь в кухню открылась с глухим стуком о косяк. В комнату ворвался холод и густой, тошнотворный дух табака, смешанный с дешёвым пивным перегаром.

Саша вошёл, пошатываясь, и привалился плечом к притолоке. Его лицо было серым, глаза — красными и какими-то выцветшими. Он не смотрел на меня, он искал глазами стул.

— Жрать... — выдавил он, не поздоровавшись.

Я молча поставила перед ним тарелку с супом, которую подогрела ещё час назад. Подвинула хлеб. Сама отошла к окну, подальше от него, чтобы не чувствовать этот запах, от которого к горлу подкатывала тошнота.

— Чё встала? — он неловко зачерпнул ложкой, половина бульона вылилась на скатерть. Он даже не заметил. — Смотришь, будто я враг народа.

— Я не смотрю, Саша. Просто устала.

— Устала она... — он хмыкнул, вытирая рот рукавом куртки. — А я на работу хожу. Вкалываю, как проклятый. А ты тут что? Огород копала? Ну и где урожай? Где деньги?

Я прикусила щеку изнутри до боли. «Где деньги?» — этот вопрос от него звучал всегда как приговор.

— Картошка гниёт, Саша. В этом году везде гниёт. Соседи тоже жалуются.

— Соседи, соседи... — он вдруг ударил ладонью по столу, отчего ложка звякнула о край тарелки. — Вечно у тебя на всех есть оправдание! А на меня — ни-че-го. Ни заботы, ни тепла.

Он поднял на меня взгляд. В этом взгляде не было злости — была какая-то детская, пьяная обида, которая пугала меня гораздо больше, чем крик. Он чувствовал себя неудачником и отчаянно хотел, чтобы я это признала. Или чтобы несла за это ответственность вместе с ним.

Аккуратно подошла к столу, сняла грязную тарелку и вытерла пролитый суп. Мои руки работали механически, лицо оставалось каменной маской. Я знала: любая попытка возразить сейчас обернётся скандалом, который услышат дети.

— Саша, иди спать, — тихо сказала я. — Ты устал.

— Я иду спать, — эхо его собственных слов прозвучало жалко. — Только ты не думай, что всё так и останется. Завтра... завтра я ещё раз с бригадиром поговорю. Будут деньги. Будут!

Он поднялся, чуть не опрокинув стул, и, шатаясь, побрёл в спальню. Через пять минут из комнаты донёсся храпящий вздох. Он уснул.

Я так и осталась стоять посреди кухни. Руки всё ещё дрожали. В кармане халата, словно жгучее напоминание, лежал телефон. Достала его, экран засветился, освещая тёмную кухню холодным светом.

Вкладка браузера всё ещё была открыта. Та же женщина, тот же призыв: «Начни новую жизнь».

Внимательно посмотрела в сторону спальни, где храпел муж, потом в окно, где была непроглядная тьма, и наконец — на цифры банковского приложения. 2 340 рублей.

Сегодняшний день был трудным, но, если я ничего не изменю, завтрашний будет точно таким же. И через неделю, и через месяц...

Собравшись с последними силами, сделала глубокий вдох, стараясь, чтобы он не перешёл в рыдание. Слезы стояли в глазах, но я их смахнула.

— Ради детей, — прошептала сама себе.

Мой палец уверенно нажал на кнопку «Оплатить».

Экран мигнул, загружая страницу оплаты. Сердце в груди забилося как бешеное. В этот момент почувствовала, что перешагнула какую-то невидимую черту.

С этого момента больше не была просто «женой, которая тянет хозяйство». Я была женщиной, которая только что потратила последние деньги на воздух, надеясь, что этот воздух станет её опорой.

Деньги списались. Страница обновилась.

«Добро пожаловать в проект! Ваш первый урок доступен».

Выключила свет на кухне, и темнота встретила меня тишиной — в доме никто не знал, что Вера сейчас совершила, возможно, самый важный поступок в своей жизни.

Глава 4. Первый урок

В ту ночь я почти не спала.

Сначала лежала, прислушиваясь к дыханию Саши, и всё думала: «Что я наделала? Как завтра буду покупать хлеб? А если Илья снова закашляет сильнее, на что куплю сироп?». Мысли кусали, как осы. В голове вертелись цифры, складываясь во всё те же бесконечные минусы.

Но под утро пришло странное чувство. Оно было едва уловимым, как первый робкий луч солнца, пробивающийся сквозь щель в зашторенном окне. Это было ожидание. Впервые за долгие годы ложилась спать не просто чтобы «забыться», а с мыслью, что завтра у меня есть дело. Моё дело.

Раздалась мелодия будильника, 05:00. Новое утро!

В доме было тихо. Саша спал мертвецким сном, из комнаты детей не доносилось ни звука. Я на цыпочках прошла в кухню, налила себе остатки холодного чая и, даже не открыв глаза до конца, потянулась к телефону.

«Урок 1: Твои деньги — это твоя свобода».

Я нажала «Далее».

На экране появилась та самая женщина. Её звали Елена. Она не читала лекций, не сыпала терминами из учебников экономики, а просто говорила — тихо, уверенно, глядя прямо в камеру, словно видела меня через матрицу экрана.

— Ты сейчас думаешь, что пятьсот рублей — это много, — сказала она, и я вздрогнула. — Ты думаешь, что ты их «потратила». Но на самом деле ты сделала инвестицию. Самую важную в своей жизни, потому что ты начала инвестировать в своё достоинство.

Я слушала, и по спине бежали мурашки. Она говорила о том, что финансовая дыра — это не отсутствие денег, а отсутствие контроля. В голове начала складываться картинка. Отчётливо представила свои 2 340 рублей как маленькое войско, которое я до этого бездумно разбрасывала в разные стороны вместо того, чтобы расставить по позициям.

— Возьми лист бумаги, — сказала Елена. — И начни с того, что есть. Прямо сейчас.

Я схватила старую тетрадь Ильи, вырвала чистый лист и схватила огрызок карандаша.

2340

Я записала эту цифру в центре листа.

— Теперь запиши всё, что ты «должна» миру, — продолжала она. — Но не как список жертвы, а как карту боя.

Начала писать: кредитка, школьные сборы за Дашу, лекарства, еда... Список вышел длинным, пугающим, но, когда я увидела его на бумаге, он перестал быть «чёрной дырой» в моей голове. Он стал просто списком задач.

Дверь в комнату скрипнула. Я вздрогнула и быстро прикрыла тетрадь другой тарелкой.

Из комнаты вышла Даша. Она была взъерошенная, с недовольным лицом, в растянутой футболке, которая ей явно была мала. Она увидела меня, сидевшую в темноте с карандашом в руке, и замерла.

— Мам? Ты чего? Опять считаешь? — в её голосе сквозило привычное подростковое раздражение, смешанное с жалостью, от которой меня всегда корбило.

— Да, Дашенька. Считаю.

— Да нечего там считать, — она махнула рукой, подошла к чайнику и начала греметь кружкой. — Папа опять вчера пришёл... ну. Сама знаешь. Бесполезно это всё. Смирись.

Эти слова — «смирись» — ударили меня сильнее, чем крик Саши. Я посмотрела на дочь. Ей всего шестнадцать, а в глазах уже читалась та же безнадёга, что и у меня. Она видела только мои круги под глазами и бесконечную уборку.

— Нет, — твёрдо сказала я.

Даша замерла с кружкой в руках. Она уставилась на меня, будто я заговорила на иностранном языке.

— Чего «нет»?

— Я больше не буду просто «смиряться», — безмерно чувствовала, как внутри меня что-то распрямляется, как пружина, которую сжимали годами. — Собирайся в школу. И завтрак будет через десять минут.

Даша хмыкнула, скептически выгнув бровь, но спорить не стала. Она ушла в свою комнату.

Я снова открыла тетрадь. Телефон в руке вибрировал — приходили сообщения из чата участниц курса. Кто-то писал: «Я в шоке, оказывается, я трачу ползарплаты на ерунду!», «Девочки, я наконец-то выдохнула!».

Вот это да, и я была в этом чате! Была частью чего-то нового!

В этот момент за окном снова закричал петух тёти Зины. Но теперь этот звук казался мне не раздражающим сигналом «опять утро, опять ад», а звуком начала нового дня.

Я посмотрела на экран телефона. Женщина улыбалась.

— Следующий шаг, — шептала она, — это выписать каждую копейку, которая уходит из твоего дома. Ты увидишь утечки, ты увидишь, где теряешь себя.

Мгновенно взяла ручку и начала писать:

Хлеб — 50 р.

Молоко — 70 р.

Отныне я не просто тратила, а начала именно считать. И с каждой записанной цифрой страх, который сковывал меня по рукам и ногам, начал понемногу отступать.

Абсолютно не знала, как именно я выберусь из этого болота. Но точно осознавала: я больше не одна!

Глава 5. Первый «прорыв»

К вечеру того же дня я поняла, что совершила маленькое преступление против привычного уклада нашего дома. Весь день ходила с блокнотом в фартуке, записывала всё: сколько ушло на стиральный порошок, сколько стоило масло, сколько потратила на проезд до магазина, когда ходила за продуктами.

Оказалось, что я трачу невероятные суммы на вещи, которые даже не замечаю. Вчера, например, купила Даше шоколадку и себе пачку леденцов «от нервов» — сто тридцать рублей. Казалось бы, копейки. Но за месяц — это почти четыре тысячи. А я плакала ночью из-за четырёх с половиной тысяч минимального платежа по кредитке.

Увлеченно сидела над открытой тетрадью в тот момент, когда Саша вернулся. Он был трезвее, чем вчера, но всё ещё с гудящей головой. Он швырнул ключи на тумбочку в прихожей и прошёл на кухню.

— Опять писанина? — он кивнул на тетрадь, нахмурившись. — Ты что, в бухгалтеры подалась?

— Я учусь распоряжаться деньгами, Саша. Чтобы мы не залезли в долги ещё глубже.

Он засмеялся — сухим, каркающим смехом.

— Распоряжаться! Чем тут распоряжаться? Двумя копейками, которые я приношу? Ты лучше обед готовь, а не цифры пиши.

Он сел за стол, ожидая, что я начну суетиться, брошу всё и побегу разогревать суп. Но я не вскочила, а спокойно дописала строчку: «Хлеб — 52 р.», закрыла тетрадь и только потом медленно поднялась.

Внутри меня что-то изменилось. Раньше каждое его слово било меня по самолюбию, я чувствовала себя виноватой в том, что денег мало. Сегодня смотрела на него как на человека, который просто не видит картины целиком. Он был частью проблемы, но он не был моим единственным миром.

— Илья сделал уроки? — спросила я, ставя перед ним тарелку.

— Сам он их сделал, чего ты вечно ко мне лезешь? — он раздражённо толкнул тарелку к центру стола. — Опять суп постный?

— Постный, потому что мясо — это дорого, а у нас кредитный платёж на носу, — сказала я твёрдо, глядя ему в глаза.

Саша замер, держа ложку в воздухе. Он привык, что я оправдываюсь в ответ на его придирки. Он привык, что невнятно бубню: «Ну, денег мало, сама знаю, потерпи». Мой спокойный, почти холодный ответ сбил его с толку.

— Ты на меня голос не повышай, — буркнул он, но уверенности в голосе стало меньше.

— Я не повышаю, а констатирую факты. Мы живём не по средствам, — я подошла к столу и села напротив него. — Саша, нам нужно либо увеличить доход, либо пересмотреть всё, на что мы тратим. Ты готов обсуждать бюджет?

Он посмотрел на меня так, будто я вдруг заговорила на китайском. — Бюджет... — пробормотал он. — У нас нет бюджета, Вера. У нас есть жизнь.

«У нас есть жизнь, которую мы сливаем в никуда», — подумала я, но промолчала.

После ужина он ушёл к телевизору. Я снова открыла чат курса. Там было видео от Елены про «психологию долга». *«Долг — это не только деньги. Это ваши страхи, запертые в бумажках с цифрами. Как только вы начинаете называть вещи своими именами, долг перестает вами управлять. Вы начинаете управлять им!»*.

Я выписала на отдельном листке общую сумму нашего кредита. Пятьдесят четыре тысячи триста рублей. Раньше эта цифра пугала меня до дрожи. Казалось, что это сумма с шестью нулями, которую мне не собрать никогда. Но сейчас, глядя на неё, я взяла калькулятор.

Так, если откладывать с каждой зарплаты на две тысячи больше... если отказаться от лишних покупок... если поискать, где подработать...

Где подработать?

В голове всплыла мысль, от которой я сама испугалась: огород. У тёти Зины из соседнего дома всегда был отличный укроп и петрушка, которые она возила на рынок в областной город. У нас земли было больше, чем у всех в округе, но почему мы сажали только картошку, которая всё равно гнила?

Не без восхищения посмотрела на свои руки. Они были грубыми, с въевшейся землёй. Но эти руки умели работать, они были сильными, просто раньше трудились только на разрушение — на уборку, стирку и обслуживание чужих капризов.

Я посмотрела в окно. Тёмный двор казался уже не тюремной стеной, а куском земли, который мог бы приносить доход.

— Ты чего там опять? — крикнул Саша из комнаты.

— Считаю, как закрыть кредит за полгода, — громко ответила я.

Тишина на той стороне. Долгая, недоверчивая тишина. А потом — смешок.

— Ну-ну, считай! Только от этого деньги в тумбочке не заведутся.

— Заведутся, — шепнула я, обращаясь к женщине на экране телефона. — Обязательно заведутся.

Совсем не знала, откуда придут силы, и не знала, как отреагирует Саша, когда поймёт, что я больше не та удобная жена, которая только и ждёт его распоряжений. Но, засыпая, не молилась «только не сегодня».

Я засыпала с планом на завтра.

Глава 6. Огородная арифметика

Утро началось не с привычного тяжелого вздоха, а с резкого осознания: время — это ресурс. Раньше оно для меня было просто «днем», который надо как-то пережить, пока дети не уснут. Теперь каждая минута имела свою цену.

Я вышла во двор, когда туман еще не до конца рассеялся. Участок за домом выглядел запущенно: перекопанные куски земли, заросли сорняков там, где должна была быть зелень, и бесконечные ряды картошки, от которой уже тошнило.

Достала телефон, в чате участниц кто-то писал про «монетизацию хобби». Моим «хобби» всегда была работа до седьмого пота.

— На что ты смотришь? — голос Даши заставил меня вздрогнуть.

Она стояла на крыльце, ежась от утренней прохлады. Ее взгляд, устремленный на меня, был уже не насмешливым, а каким-то настороженным. Она видела, что я веду себя иначе.

— Смотрю, как эту землю превратить в деньги, — ответила я, вытирая руки о фартук.

Даша подошла ближе. — В деньги? Мам, ты серьезно? Это же просто огород. Папа говорит, тут земля истощена.

— Папа говорит то, что ему удобно, чтобы не впахивать лишний раз, — отрезала я. — Посмотри, вон у Зинаиды Петровны укроп растет — как на картинке. А у нас — лебеда.

— И что ты предлагаешь? Перекапывать всё заново? Ты же надорвешься.

— Мы перекопаем, — сказала я, глядя дочке прямо в глаза. — Только не всё сразу. Давай выделим одну грядку. Под что-нибудь быстрорастущее. Салат, базилик, укроп. На рынке зелень улетает быстрее, чем семечки.

Даша молчала, она видела, что я говорю не как «задерганная хозяйка», а как человек, у которого есть расчет.

Весь день прошел в странном напряжении. Саша ушел на смену, даже не поворчав — кажется, мой вчерашний уверенный тон его слегка обескуражил. В обед, пока Илья спал, я выделила три квадратных метра земли. Убирала камни, вырывала корни пырея, и впервые эта работа не казалась мне проклятием. Теперь это была «производственная площадка».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.